

Борис Тарантул

МНОГОМЕРНЫЕ МИРЫ

Стихи

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2006

ББК 84-5
Т 19

Тарантул Б. 3.

Т 19 Многомерные миры: Стихи. — М.: Языки славянской культуры, 2006. — 268 с.

ISBN 5-9551-0130-6

В настоящем издании собраны ранее не публиковавшиеся стихи, написанные Б. Тарантулом на протяжении всей его жизни (1950—2002 гг.). Необычные, эмоциональные, многогранные — эти стихи заслужили того, чтобы их увидел читатель. В них и радость, и скорбь, и любовь, и страдания, но главное во всем — не тривиальная, многомерная, мечущаяся личность автора. Сам он не собирался публиковать свои стихи, они остались только в рукописях. Этот сборник в память о нем составлен по сохранившимся старым потрепанным страницам его родными и близкими.

ББК 84-5

*В оформлении переплета использован телескопический фотоснимок
Туманности Тарантул из созвездия Золотая Рыба
и фотопейзаж Мартина Максимова*

Борис Тарантул

МНОГОМЕРНЫЕ МИРЫ

Стихи

Издатель А. Коншелев

Художественное оформление переплета С. Жигалкина и Н. Прокуратовой

Подписано в печать 10.03.2006. Формат 60×90 1/16.

Усл. печ. л. 17. Тираж 70. Заказ № 49

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru

ISBN 5-9551-0130-6

© Б. 3. Тарантул, 2006 (наследники)
© Языки славянской культуры, 2006

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Об авторе

Мы сами не определяем ни своих родителей, ни место, ни время своего рождения. Да и вся дальнейшая наша судьба во многом зависит не только от нас самих — порой времена и обстоятельства сильно властвуют над нами. Но если ты личность, то это всегда будет с тобой и неизбежно оставит след в душах людей, с тобой соприкоснувшихся.

Автор этого поэтического сборника — Борис Тарантул (1950—2002) — нестандартно родился, нестандартно жил, нестандартно любил и творил. Появился он на свет при Сталине в радостный женский праздник 8 марта 1950 года в г. Калинин (ныне Тверь), учился при Хрущеве и Брежневе (в г. Кандалакше и г. Железнодорожном Московской области), начинал предпринимательскую деятельность при Горбачеве, взлетал и падал при Ельцине, вновь приподнялся и покинул этот мир при Путине. Рождение в женский праздник никогда его не смущало. Главное — Праздник, а его день рождения всегда был вторичным. Когда была возможность, устраивал в этот день (и не только тогда) большие торжества, на которых говорил о Женщине с большой буквы. Он любил и умел любить. И не только свою жену, свою дочь, сына, внучку, своих многочисленных близких, но и всех вольно или невольно с ним соприкоснувшихся. При этом он если любил, то любил совершенно искренне, порой безответно, но всегда бескорыстно.

Это был человек-море. Его душа никогда не находилась в состоянии покоя. Подводник, обошедший в годы военной службы под водой Земной шар; работник метеостанции на Магаданской промерзлой земле, где читал прессу, сбрасываемую раз в полгода с вертолета; первый «новый русский» в своем районе, оставивший весь свой бизнес своим друзьям; создатель нового современного завода в Узбекистане, с которого вынужден был бе-

жать, преданный псевдодрузьями по законам нового времени; вынужденный пожарник, который лез в огонь и в воду, а потом до утра игравший от безнадежности в карты; безработный и растерянный, но поддержанный горячо любящей матерью и постоянно ищущий приложения своих сил; менеджер по продаже телогреек и сапог, а потом компьютеров и суперпрограмм. Он жил, фантазировал, мечтал, играл на гитаре, пел, метался, любил, работал (а порой и не работал), но все время размышлял: зачем я живу, как я живу, для чего я живу? На волнах подъема он дарил бесконечно любимой жене бриллианты, ковры, машины, покупал огромные букеты цветов. Друзьям и близким отдавал бескорыстно все, ничего не жалея, и делал это с большим удовольствием. Когда же волна начинала спадать, он устремлял свои взоры внутрь себя. Когда волна спускалась до самого низа — уходил в свой внутренний мир, а порой совсем исчезал, растворялся в пространстве. Но все время писал стихи и искал, искал, искал самого себя и истину жизни.

Давно замечено: не всякий, кто пишет стихи, — поэт. Борис не только умел писать стихи, он был поэтом во всем. Кто-то оставляет после себя деньги и виллы, кто-то славу и известность, а после кого-то даже пустых бутылок не остается. Борис Тарантул оставил нам после себя добрую и щемящую память о редкой души человеке. И еще множество необыкновенных стихов. Его творчество не получило ни при его жизни, ни сейчас никакой официальной оценки. Да она и не нужна была ему, ведь он писал их только для себя, поскольку так выражал свои эмоции и не мог жить иначе. Лишь единичные стихотворения были опубликованы при жизни автора, увидели свет и отдельные его переводы.

Он не собирался публиковать свои стихи, не готовил их к печати. Остались только рукописи, порой лишь первые наброски и разные варианты. Этот сборник по сохранившимся старым потрепанным страницам (грамматика и пунктуация авторская) составили его близкие в память о муже, отце и брате, которого уже никогда, к сожалению, не будет с ними. Но сохранятся его слова, которые будут постоянно напоминать о нем. Все, кто прочтет сегодня его стихи, сами смогут оценить их, принять или возмутиться, но, я уверен, они никого не оставят равнодушным.

*Вячеслав Тарантул
1 октября 2005 года*

* * *

Есть многомерные миры,
Но в них не проскочить.
До самой смертной той поры,
Когда порвется нить.

И тело брренное вот здесь
Останется навек,
Зарыто в глину иль в супесь —
Уже не человек.

Душе не нужно исчезать,
Она везде жива.
Ей мир иной — родная мать,
Как Игоре — Нева.

Она войдет в другую плоть,
Комфортно ей в любой.
И будет искренне молоть,
Что помнит нас с тобой.

Но я сгибаюсь от тоски,
Представив, что нас ждет.
Что пол меня в могиле спит,
Что пол меня живет.

Что Я — слиянье двух стихий,
Идеи с веществом.
Что сам себе прощу грехи,
Других моля о том.

Я бог и черт в одном лице,
Но хочется понять,
Погибнет кто из них в конце,
Кто воспарит опять.

* * *

Я понял лишь сейчас,
 Прошу, не обессудьте!
Отец, и муж, и сын,
 и милые друзья!
Иные мне нужны
 Защитники и судьи,
Я понял лишь теперь:
 Другой Вам нужен Я.

Удобный как асфальт,
 Как чесаная кошка,
А если вдруг ухаб,
 А если — не по Вас!!!
Сошедшие с ума —
 Они сошли немножко...
Но душу вынь из нас —
 Останется каркас.

Что кости без души???
 И некуда лить водку,
И нечем слезы лить,
 Ведь — все с кости сошло...
Нет глаз, и сердца нет,
 Которое в середине,
Но с них какой ответ,
 За что произошло!!!

Пройдет полтыщи лет,
 Найдут меня в раскопках,
Измерят череп мой
 И грустный мой оскал,
И, может быть, поймут,
 Все склеивши осколки,
Что я тебя любил, что я тебя ласкал...

Посмертная маска

Берут, откинув волосы с лица,
Теперь я понял, как это нелепо,
Такой холодный, равнодушный слепок
С застывших черт седого мертвеца.
А он ведь жил!
Он целовал уста
Любимых женщин.
Улыбался мило.
А вы хотите, маска чтоб хранила
Его черты.
Но как она пуста!
Уверен — маска все-таки нужна.
Его черты чтоб верные таила.
Но ради бога,
Чтоб не хоронила
Его души,
Когда она нежна!

(1975)

Рассказ летчика

Я на «МИГе» шел на «потолок»...
Вдруг оттуда, с высоты приличной
На меня пикирует сам Бог.
И скажу — пикирует отлично!
Мы теперь за облаком вдвоем,
Но меня еще сомненье гложет —
Почему внизу аэродром
Появление божье не тревожит?
Почему локатор не берет
Крыл его божественных движенье?
Он мне нимбом машет и зовет,
Запрещает всякое снижение.
Что ж, лечу.
Не каждому дано
Повстречаться так внезапно с Богом.
Но не знаю, что мне суждено,
И каким мне это выйдет боком.

Вверх и вверх прокладывает курс
Штурман мой — Господь и Вседержитель.
Я теперь на землю не вернусь!
Я теперь такой же небожитель.
Вот уже полет окончен — рай...
Руку жмут ребята фронтовые.
Все мои ровесники, считай —
Сбитые,
Сгоревшие,
Живые?!
Лоб вспотел,
Расстегнут шлемофон.
Удивленье и восторг на лицах.
Кто в погонах,
Кто и без погон —
С «кубарями» в голубых петлицах.
Как же так?
Растерянный стою.
Пот со лба перчаткой утираю.
Ну, они-то, ясно, что в раю.
Я за что сподобился?
Не знаю.
А они встревожено галдят:
Где же винт?
Реши пилот задачу!
На меня восторженно глядят
Словно я и вправду что-то значу.
Вновь в руке штурвал...
Рано мне примериваться к раю.
Я за вас еще не отлетал.
А теперь умру, но отлетаю.
И ушел в стремительном пике
Вниз, к земле, к зеленой дымке лета.
Аж штурвал вибрировал в руке,
И трясло под крыльями ракеты.
Что с того, что падал в небеса,
Потеряв сознание, как в вате.
Понял я за эти полчаса
То, на что и жизни вряд ли хватит.
Неужель теперь не устою,
В злом бою, бою на «вертикали»?

Но тогда мне место не в строю,
А без неба выживу? Едва ли!

* * *

Огонек в степи не горит уже,
Средь прибрежных скал не горит маяк.
Звезд на небе нет — видно в парандже
Небо звездное... Божий знак!

Сорок восемь лет, тысячи часов,
Миллион минут, миллиард секунд,
Жизнь без света лишена основ.
Коренник мой пал, стал не нужен кнут.

Но кипит вокруг разнотравья круг,
Волны берег бьют добела,
Погляди теперь, мой хороший друг,
До чего меня довела!

(1998 г.)

Ошибка

В такси я всунулся по пояс,
Не пережив твою грозу:
— Куда везти?
— Да хоть на полюс!
— Ну что ж, садитесь, отвезу.

И я, усевшись, успокоюсь —
Дойдет до сути капитан.
Конец пути...
— А где же полюс?
— Да вот он, «Полюс»-ресторан.

В сердцах я громко
Хлопну дверцей,
И буду мокнуть под дождем —
И этот чтоль не понял сердца! —
Ну, что же делать, — подождем...

Ну, что же делать, баобабы
Не те, таксистам курсы шьют,
Она ведь думала — мол, бабы,
А здесь и плоть,
И здесь уют!!!

* * *

Смените свой зловещий вид.
Умерьте агрессивность тола.
В уплату множеству обид
Мне хватит одного патрона.
Я не сумею объяснить,
И оправдаться не сумею,
Чтоб вас же не обременить,
Солгу и вряд ли покраснею.
Умою руки, как Пилат.
Мне обвинения не внове.
Признаю все, в чем виноват,
И даже то, в чем невиновен.
И я уверен — Бог простит!
Он всех прощает с небосклона.
И ваши тысячи обид,
И вылет моего патрона.

* * *

Я жил, не понятый никем.
И притворялся, что понятен
Мне вкус вина «Шато Икем»,
Хотя мне был портвейн приятен.

Я окружал себя молвой,
Что я крутой и сильный парень.
Среди своих я стал чужой,
Как необрезанный татарин.

Мне страшно было одному,
И я свой мир лепил и холил.
Сгибался в собственном дому,
И распрямлялся в алкоголе.

И если снова выходил
Из дней запойных, трезвым взглядом
Смотрел, и душу холодил,
Тот факт, что пусто, пусто рядом.

И снова лился алкоголь
И отступала, глохла боль.

* * *

О, люди, как я вас люблю!
И как же сильно ненавижу!
Не приводите все к нулю —
Очки невротикам поближе.

Все перетрахались вконец,
А может так оно и надо?
Непогрешимости венец
Уж не ведет ли в двери ада?
Но и прелюбодеянья грех
Приводит ль к вечному блаженству?
Неужто поиск совершенства
В постель укладывает всех?

И я растерянно рулю,
И, к сожаленью, вижу, вижу...
О, люди! Как я вас люблю,
И как же сильно ненавижу!

* * *

Ору в ночи —
Не верь!
Никто меня не слышит.
Лишь ночь и пустота...
Звезда лишь подмигнет,
Все слышала она,
Но просьба не колышет.
Просила и она
Да кто ж ее поймет!

* * *

Плывем на корабле.
Уже сбежали крысы.
Уже не капитан —
Штурвальный правит бал.
Он молод и горяч,
От соли белобрысый,
Он выжил из ума,
Но Бог его послал!

Огромная скала
Торчит на горизонте,
Последнее «прости»,
Тому, кто не упал.
Не трогайте руля,
И в рынду не трезвоньте.
Он молод и горяч,
Но Бог его послал!

* * *

Промчался день, ночная мгла бредет по переулку,
И я, соскучившись, как слон, спешу к тебе опять.
Но сердце прыгает в груди размеренно и гулко,
Ведь, боже мой! — я сам себя
Боюсь с тобой застать!

И все мне кажется — я сплю,
И сон ужасный вижу,
Все снова помню до конца,
Что чудится — забыл.
И я, бывает, сам себя настолько ненавижу,
Что взял бы сам же и себя
Безжалостно избил.
Ведь ты меня таким, как есть —
Сегодняшним — не знаешь.
А раз не ведаешь, чем жив,
Кого же нынче ждешь?
Ведь ты меня — вчерашнего,
С надеждой ожидаешь,

И ты навстречу не ко мне —
К вчерашнему, встаешь.

И ты целуешь не меня —
Вчерашнего целуешь,
Ведь ты молилась не по мне —
По бывшему вчера.
И ты сама к себе, как я,
Нисколько не ревнуешь,
И быть с моим соперником
Готова до утра!

Разрази меня гром! (первый вариант)

Разрази меня гром!
От ответа спаси и укрой.
Встал вопрос мой ребром,
А за ним выступает другой.
Не хочу объяснять —
Объяснение такой же обман.
Лучше мне обнимать
Голый факт,
А не голый твой стан.
Все случилось уже,
Не вернуть первозданный покой.
И в моем гараже
Не пугаться мне больше с тобой.

Не привык я молчать,
Ожидавший небесную весть...
Вот и угол. Но, зная,
Судный день громыхает не здесь...
Разрази меня гром!
Не сумел, не схитрил, не словчил.
Ты поймешь, но потом,
Как я с поезда смел — соскочил.

(второй вариант)

Встал вопрос мой ребром.
Значит надобно что-то решить.
Разрази меня гром!
Кто заставил меня поспешить?!

Все случилось уже.
Не вернуть первозданный покой.
В голубом витраже
Облаков лиловеющих строй.

Не привык я молчать.
Я дарил торопливую лесть...
Вот и гром, только знать
Судный день громыхает не здесь.

Вновь и вновь я живой...
Может есть еще маленький шанс,
Все вернуть, как порой
Повторяют забытый сеанс.

Говорить я привык,
Ты привыкла реченьям внимать...
Если б вырвать язык!
Если б уши руками зажать!

* * *

Есть друг, кто все поймет,
Немного и осудит,
Который и нальет
Из водочной посуды.

Который не продаст,
Хотя и поругает,
Который ходит в масть,
Хотя она — другая.

Себе он на уме,
Не злыдень, не святоша...

Тащить его в себе
Такая злая ноша!

(25.07.1992 — 2 ч. 55 мин)

* * *

Я книги написал — никто их не читает,
Я песни написал — никто их не поет.
Я птицу отпустил — она не улетает,
Но боже, боже мой — она ведь не поет!

Я руку наложил на собственное горло,
Хриплю и не могу по-прежнему дышать,
Ведь если сверлят вас затейливые сверла,
Не думаешь о том, кто будет завершать.

(25.07.1992 — 3 ч. 14 мин)

* * *

Кто жизни подведет итог ее не новый?
Кто смеет осудить из белых, из ворон?
Не ведая о том, сюжет, увы, не новый
Блажен, кто не судья — белейший из ворон...

Все в мантиях сидят и чопорны, и строги,
И пурпур на плечах как кровь на топоре.
Но только их коснись, все судьи, как один,
Все молят о добре...

(25.07.1992 — 3 ч. 32 мин)

* * *

Поймал судьбу за хвост — тащи ее, заразу!
Сбежать ли норовит, иль молит, чтоб продать...
Отпустишь — убежит без размышлений, сразу!
Продать, а чтоб купить, где снова денег взять?

Казалось, что поймал, держал ее в ладонях.
Казалось, что купил задаром, без торгов...
Смеются все кругом, ну, что, мол, проворонил?
А я ее держал... и был держать готов!

(25.07.1992 — 3 ч. 41 мин)

Другу

Несусветную чушь я тебе расскажу,
Несусветную ложь предложу я тебе,
Если ты не готов — я тебя не держу,
Ты поймешь и простишь — мы утоним в гульбе.

Только где ее взять — несусветную чушь?
Только где ее взять — несусветную ложь?
Я немного соврал, ну, поверь, ну, чуть-чуть!
Ты не в силах понять, тебе вынь да положь!

(25.07.1992 — 4 ч. 10 мин)

* * *

Кому не спится в ночь глухую?
Вору, завистнику и...
А я ни тот и ни другой,
Зачем не спишь, мой дорогой...

(25.07.1992 — 4 ч. 35 мин)

* * *

Я был любим и уважаем.
Трудился, часто не присев.
Каким жестоким урожаем
Мне обернулся долгий сев!

Зерно отборное — элита!
Земля — цветущая, как сад!
Потами трудными полита...
За что — кобыле все под зад?

Трудолюбивый вольный пахарь
Лелеял каждый колосок...
За что меня послали на хер?
Щиплю себя за волосок!

(25.07.1992 — 4 ч. 55 мин)

* * *

Я проплакал всю ночь, выпил все, что хранилось.
А под утро, устав, написал кое-что.
Если в нашей душе кое-что сохранилось,
Ты простишь и поймешь, виновато вино!

Это друг — кто поймет, это друг — кто поддержит,
И тебе до конца нас с вином не понять...
Будь ты вся молода и в красивой одежде,
Нас нельзя разлучить, нас осталось распять!

(25.07.1992 — 5 ч. 07 мин)

* * *

Расслюнявились звезды...
Наплывает рассвет.
То, что чудилось грозным,
Все исходит на нет!

И внутри остывает
Растревоженный свет...
Только так не бывает,
Чтоб исчезло на нет!

Запуршит, заметелит,
Не аукнешь вослед...
Очень жестко постелит —
И нисходит на нет...

(25.07.1992 — 5 ч. 37 мин)

* * *

Я понял всех убийц,
И всех убитых — тоже.
В сияние зеркал
Заглядывают рожи!

Их к черту разобью,
А что за зеркалами?
Нет тех, кого люблю!
Но это — между нами!

* * *

Знакомый мой чудака — он марку рвет с конверта,
И смотрит на нее — мол, чудо из чудес,
И видит океан, и парус полный ветра,
Пустынный караван, и в птичьих трелях лес.

И я его люблю и не смеюсь заразно,
Завидую чуть-чуть, коллекцию смотря.
В ней столько разных стран,
В ней столько судеб разных,
Я не филателист и чувствую, что зря.

Поэтому несу раскрашенный лоскутик,
О прелести его догадываться мне.
И радуюсь слегка заветной той минуте,
Когда вручу волну и яхту на волне.

Знакомый мой чудака, а я его чуднее,
Он марку на ладонь, и смотрит как на клад.
А я гляжу на них и делаюсь добрее,
Хотя купил ее в киоске наугад.

Ему не мало лет — уже в десятом классе,
Ему кричат — взрослей — а он не дует в ус,
И марки, не рубли, запихивает в классер,
Ему кричат — дурак, а он не дует в ус.

* * *

Подрастает непростая
Славная девчонка.
Зубки в деснах прорастают,
Отрастает челка.

Язычком мешает звуки,
Словно ложка кашу.
К маме просится на ручки —
Любит маму нашу!

И всего-то сантиметры,
И всего-то граммы.
А сливаются портреты
Дочери и мамы.

* * *

Не верьте!
Если ногти отрастают после смерти,
Если жив любимый почерк на конверте,
Если голос жив на ленте, жив на ленте —
Вы не верьте,
Вы не верьте,
Вы не верьте!
Не теряйте до конца надежду,
Не носите вовсе черную одежду,
Не живите, как попало, как придется —
Он вернется,
Он вернется,
Он вернется!

* * *

В час, когда Окуджава тихонько затыкает
Под гитарную звень о любви монолог,
Куст сомнений моих потихонечку вянет,
Как цветы, что растут вдоль бетонных дорог.

Наклоняется набок головка шальная,
Лепестки осыпаются в серую грязь.
Голос хриплый звучит, о любви напевая,
Тихо лента течет, по кассетам струясь.

Но откуда, откуда же он это знает,
Кто его научил наши души лечить?
Он струну тормозит, и она отвечает,
Но откуда, откуда же он это знает
Тот, который не ведал, как в жизни ловчить,
Он ее тормозит, и она отвечает,
Как страдать, как беречь,
Как прощать, как любить.

Ошалелая плоть побеждает нередко,
Льются песни твои, как дыханье твое...
Ночь подходит к окну любопытной соседкой
Пусть глядит, я ничуть не стесняюсь ее.

Не судьба, не гроза, а негромкие песни,
Вечный смысл, озаренье, и в тучах просвет —
Я бы тоже сумел, но не скажешь чудесней,
Я бы тоже запел, только повода нет.

* * *

Ушла,
Забывлась
Странная эпоха,
Когда любили
Дерзко и хмельно.
Когда
Из-за
женского вздоха
Соперника кровь
Лилась как вино.

Когда как дух,
Взлетев ногою